

Александр Абросимов

Теплее, чем 70% воды

Александр Абросимов

Теплее, чем 70% воды

<https://litres.ru/74191439>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он приехал на заброшенный Белый мыс, чтобы упаковать вещи покойного отца и навсегда забыть о холодных широтах. Она прячется в прибрежных гротах, потому что любая капля пресной воды на суше причиняет ей физическую боль. Даниил списывает всё на профессиональное выгорание и галлюцинации от недосыпа, пока однажды утром не находит на песке чешую, твердую как фарфор.

Алиса знает: люди всегда пытаются препарировать чудо. Но тепло рук этого нелепого биолога, часами слушающего крик тупиков, обманывает её инстинкты быстрее, чем наступает очередной шторм. Когда суровый инспектор из столицы приплывает проверить отчетность, скрывать хвост становится физически невозможно. Это история не о монстрах со дна морского. Это пронзительный роман о выборе между сухой карьерой и мокрой любовью, где побеждает та физика тел, которая способна согреть даже полярную ночь.

Содержание

Пролог. Соленое спасение	4
Глава 1. Перламутр в битом стекле	10
Глава 2. Запах мокрого железа	23
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Абросимов

Теплее, чем 70% воды

Пролог. Соленое спасение

Белое море не умеет звучать человеческим голосом. Оно всегда шепчет - водорослями о сваи, ветром о пустые окна, скрипом старых досок под тем, кто уже не уверен, что дом ещё дом. Но сегодня шепот сорвался, соскочил в глухой хрип: шторм выдернул из воды какой-то тяжелый смысл и швырнул его берегу.

Алиса шла там, где пляж превращался в растревоженную литораль: сухие участки на секунду вспыхивали белым песком, мокрые - чернели тиной и вспоминали глубину. У неё не было карт. У неё был инстинкт, натянутый как леска: держись ниже - и ты жива; держись выше - и тебя сушит, скребет, липнет кожу к кромке боли.

Ей нравилось идти по гравию. Это было похоже на звук шагов по чужой жизни: шаг - хруст, шаг - шорох, шаг - будто кто-то рядом дышит, но не касается. Она слушала. Так легче, если не считать, что у суши есть зубы и она постоянно

проверяет, где у зубов щель.

Когда в воде вспыхнула кровь, Алиса не сразу поняла, что это кровь. Красное всегда обманывает в полумгле: можно принять за водоросль, можно за след сгоревшей рыбацкой сети, можно за чью-то чешую - если у тебя вместо глаз вода и ламинария.

Но запах ударил точно, без права на фантазию.

Кровь пахла человеком. Тем редким и страшным, что у людей есть внутри - тепло, которое умеет выходить наружу и тем самым доказывает свою смертность.

Алиса остановилась. Тихое упрямство потянулось внутри, будто кто-то дернул невидимую нитку: не лезь. Стая всегда учила одному. Здесь, у кромки, стая держит дистанцию: вмешательство - трещина в своде мира. Один раз спасешь - и тебя запомнит небо. Один раз станешь мягче - и дальше будет хуже.

Она прислушалась. Крики не было - только тяжелые толчки тела о воду и сухой, почти человеческий хрип. Тело боролось так, как бьется вещь, у которой слишком поздно поняли законы физики.

Алиса с трудом проглотила дрожь. На губах поднялась соленость, и это было не морем: это были ее страхи, растаявшие до липкости.

Человек уже тонул.

Она увидела его, когда волна повернула, и в воде вспыхнули кости, белые, как осколки раковины. Он лежал так, будто вода хотела забрать его сразу, не тратя времени на уговоры. Руки были раскинуты широко - как у тех, кто еще жив только потому, что сопротивляется.

Живой. Чужой. И - нельзя. Надо было бы отойти. Надо было бы сделать вид, что это не ей.

Алиса прыгнула в море раньше, чем успела договориться с собой. На секунду вода обняла ее - как всегда, как родное. Жабры раскрылись автоматически. Ей стало легче дышать - и боль на суше, наоборот, исчезла из кожи, будто ее никогда не было.

Но вынести человека обратно — это была совсем другая физика.

Она схватила его под мышки, потянула, и тот оказался тяжелым, странно тяжелым, как камень, в котором еще ше-

велится тепло. Человек дернулся, не приходя в сознание, и Алиса ощутила, как его кровь течет по её пальцам и холодит кожу - хотя вода вокруг была теплой и соленой.

Тело тянуло ко дну вопреки инстинктам.

Инстинкт стадности кричал: отпусти. Инстинкт выживания - отвернись. А тихое упрямство, которое у неё было вместо молитвы, вело дальше: дотянись до берега.

Берег был рядом, но море будто удлиняло расстояние. Алиса плыла и понимала: спасти — значит ломать собственные законы. Не только свои - стаи, мира, привычки не трогать.

В какой-то момент она почувствовала, что человек тонет не потому, что нет сил, а потому, что его время уже начинает заканчиваться.

Она выбросила его на песок, как вырывают из воды опасную сеть. Соль попала ей в горло. Песок впился в ладони. Человек закашлялся - глухо, без звука жизни, будто его легкие спорили с морем.

Алиса наклонилась ближе, опасаясь дыхания - человеческое дыхание пахло слишком близко. Но именно это и ока-

залось единственным доказательством: он жив.

Пока он кашлял, Алиса прислушивалась к себе и не могла понять, что изменилось. Мир не разверзся. Небо не укусило. Стая не напала.

И всё же на зубах оставался привкус крови - и это было как клятва, которую невозможно отменить.

Когда человек перестал хрипеть и просто лежал, слабо двигаясь, Алиса ощутила, что страх отступил не потому, что опасность прошла. Опасность просто перешла в другой вид.

Теперь он запомнит.

И теперь ты - не одна.

Шторм продолжал гудеть вдалеке. Вода отступала на миллиметры, будто присматриваясь к тому, как быстро может закончиться чужая жизнь.

Алиса не знала, сколько времени у неё будет. Но знала другое: каждый раз, когда она ступает в человеческую зону, её жабры слипаются, кожа начинает шелушиться, а пресная вода с суши — это боль, которая не объясняется словами.

Тем не менее она осталась.

Она стала тем самым нарушением, которое обычно оплачивается чужой гибелью.

И от этого - на удивление - ей стало не легче.

Ей стало... теплее.

Глава 1. Перламутр в битом стекле

Утро пришло с ленивой жестокостью: небо посерело и будто бы забыло о вчерашнем шторме, а море всё ещё не отдышалось - волны поднимались и падали, как будто кто-то заново пересчитывал правила.

Алиса шла по влажному песку, стараясь наступать туда, где вода ещё не успела уйти. Там солёность держалась дольше, и боль в коже была терпимой - как если бы её можно было обмануть временем.

Она не любила утро. Утро пахло пресным ветром, который всегда тянул с суши. В этом ветре было слишком много воздуха, который можно принять за воду.

Вчерашний человек лежал где-то далеко в её голове - не телом, а фактом. Факт не уходил. Алиса пыталась спрятать его, как прячут в карман штормовки находку: плотно, чтобы не стучала о ребра.

Тот человек... кто он? Зачем пришел? Почему оказался в воде так, как будто его бросили без объяснений?

Она отгоняла мысли, потому что любая попытка понять превращалась в опасное любопытство. А любопытство на суше всегда заканчивалось тем, что тебя начинали измерять - не твоими мерками.

Сегодня измерять было нечем: Алиса искала другое - то, что можно спрятать обратно в море. Любая мелочь, любая твердая вещь, случайно застрявшая в песке после шторма, была доказательством: море и берег продолжают спорить, а значит, мир всё ещё жив.

На участке пляжа, где доски старого настила проваливались в подмытый грунт, Алиса увидела блеск.

Он был не солнечный и не морской. Это был перламутровый свет, ровный, как тонкая пластина внутри раковины - но не раковина. Блеск бился о серую поверхность песка и исчезал, как дыхание сквозь стекло.

Алиса наклонилась.

Это была чешуйка - но не рыбы, которую она знала. Слишком ровная, слишком твердая, как фарфор. И вплавлена в стекло. Стекло было разбитым - будто из бутылки или окна, которое ударили камнем.

Чешуйка не должна была выдержать эрозию. Не должна была стать такой... целой.

Алиса замерла, и с каждым вдохом чувствовала, как внутри поднимается холод. Её инстинкт не умел в "возможности". Он умел в "угрозы".

И угроза была не в самой чешуе.

Угроза была в том, что это могло быть её прошлое, чьё-то чужое прошлое или чужая находка, которая окажется ловушкой.

Она попыталась поднять предмет. Стекло впилося в палец - неприятно, но не так, как пресная вода. Затем Алиса увидела знак, который прежде не замечала: на перламутровой поверхности - едва заметные линии, как следы от давления, как узор, который мог оставить не шторм, а рука.

Человеческая рука, - подумала она и от этого слова почему-то захотелось отступить назад в море.

— Эй! - коротко, хрипло.

Алиса обернулась.

На верхней кромке пляжа стоял мужчина с рюкзаком и биноклем. Он был не из стаи — это было видно сразу: кожа у него держалась как у тех, кто привык к суше и не торгуется с воздухом. Он смотрел не на Алису, а в её сторону, будто не понимал, откуда она взялась.

Но мужчина уже шел ближе.

Идти по гравию он научился плохо - шаги звучали неловко. Он словно прислушивался к миру, как к инструменту. Это была ошибка многих людей: они думали, что мир молчит.

Алиса не хотела встречаться. Но встреча уже случилась вчера - просто тогда человек не увидел её.

Сегодня увидит.

Мужчина наклонился, заметил перламутр в стекле, и его лицо изменилось так быстро, что Алиса успела испугаться прежде, чем прочла выражение: он был учёным и... тревожился, будто нашел то, что нельзя показывать.

— Вы... - мужчина запнулся. — Это что-то необычное.

Алиса ничего не ответила. Речь людей всегда звучит, как

вода на суше: непонятно, откуда в ней берется боль. Её горло хотело молчания и соленых звуков.

Мужчина присел, осторожно потянулся к находке, но Алиса вдруг поняла: он не заберет. Он просто засомневается. И сомнение — это замедление, которое может спасти тебя от рук другого.

Она отстранилась.

– Не трогайте, - сказал он уже тише, как будто боялся испортить тишину слова "не".

Его голос был спокойным, бережным. И именно эта бережность была опасной. Бережные люди обычно не понимают, что иногда вмешательство - единственный способ убить.

Алиса сжала предмет в кулаке - чешуйка оказалась скользкой от перламутра, а стекло неприятно резануло кожу. Она почувствовала, как боль отступает, будто море в ней снова стало сильнее.

Мужчина смотрел, не моргая.

– Простите, - сказал он, хотя извиняться было не за что.
- Я... я видел только такую красоту в музеях. Но здесь не

музей.

Алиса хотела уйти, но не могла: найденное тянуло её взглядом. Не потому, что она хотела его - потому что оно могло ответить на вопрос, которого она боялась: почему её инстинкты и то, что она видит, больше не совпадают.

– Где вы это нашли? - спросил он.

Алиса не знала, что такое "где" в человеческом смысле. В её мире "где" — это "насколько близко к боли". Она повернулась и показала рукой на полосу песка возле провалившейся доски.

Мужчина кивнул, как будто понял географию по жесту. Он поднялся, и Алиса заметила на его шее узкий след от старого воротника и маленькую царапину на костяшке. Следы человека, который часто работает глазами, а не руками.

– Я Даниил, - сказал он наконец. - Морской... биолог. Орнитолог, если точнее.

Слово "орнитолог" прозвучало странно, но не угрожающе. В мире Алисы птицы - тоже часть воды, просто умеют дышать по-другому.

– Вы должны идти в поселок, - продолжил он. - Тут опасно. После шторма.

Он говорил заботливо, но Алиса слышала другое: он пытался вернуть её в человеческий контур безопасности. А ей нельзя было в контур безопасности, потому что безопасное место на суше всегда оказывалось пресным.

Она шагнула назад. Песок скользнул.

Даниил вздрогнул, будто ожидал, что она упадет.

И Алиса впервые за утро ощутила почти человеческое упрямство: я справлюсь. Даже если справляться — значит нарушать.

Она быстро повернулась и ушла в тень грота, туда, где ветер становился соленее. Там предмет можно спрятать. Там можно подумать.

Но уйти от мысли о перламутре не удалось.

Потому что, когда Алиса спрятала чешуйку и стекло глубже под ткань штормовки, внутри стало слишком тихо - так тихо бывает только перед тем, как в море появится что-то, что не принадлежит ни приливу, ни отливу.

И где-то очень далеко, как будто из другого мира, плакала пустота.

Не дождь. Не ветер.

Плач.

Пролог. Соленое спасение Белое море не умеет звучать человеческим голосом Оно всегда бормочет — ламинария трется о сваи, ветер выдувает сквозняки сквозь пустые глазницы окон, старые доски скрипят под тем, кто уже перестал верить в прочность собственного дома. Но сегодня этот шепот сорвался на глухой хрип: шторм вырвал из пучины нечто тяжелое и швырнул его прямо к ногам берега.

Алиса шла там, где пляж истончался до растревоженной литорали: сухие участки вспыхивали кварцем на долю секунды, мокрые чернели гниющей тиной и помнили ледяную бездну. У нее отсутствовали карты. Существовал лишь инстинкт, натянутый струной: опустишь ниже, выживешь; поднимись выше, иссушит, сдерет эпидермис, заставит плоть прилипнуть к кромке агонии.

Ей нравился хруст гравия. Это напоминало звук шагов по чужой биографии: шаг, треск, шаг, шорох, шаг— иллюзия

чужого дыхания за спиной. Она вслушивалась. Так проще существовать, если игнорировать тот факт, что у суши есть челюсти, и она постоянно проверяет ширину твоих межзубных промежутков.

Когда вода полыхнула багрянцем, Алиса не сразу идентифицировала субстанцию. Красное обманывает зрение в сумерках: можно принять за фокус, можно за обрывок сгоревшего трала, можно за чью-то чешую — если твои зрачки состоят исключительно из соленой влаги.

Но аромат ударил точно, без права на интерпретацию.

Кровь пахла человеком. Тем редким, пугающим веществом внутри людей — теплом, которое способно покинуть сосуд и тем самым подтвердить свою смертность.

Алиса замерла. Тихое ослиное упорство дернулось внутри, словно невидимая нить: отступи. Старая община учила единственному правилу. Здесь, на границе миров, коллектив держит дистанцию: вмешательство — это трещина в куполе мироздания. Один раз вытацишь утопающего — небосвод запомнит твой силуэт. Однажды позволишь себе мягкость — дальше будет только хуже.

Она прислушалась. Вопля не было — только тяжелые уда-

ры тела о волну и сухой, почти антропоморфный клетот. Плоть сопротивлялась так, как сопротивляется вещь, законы физики которой осознали слишком поздно.

Алиса с трудом сглотнула спазм. На губах поднялась вязкость, но это было не море: это были ее собственные фобии, растворившиеся до липкости.

Человек окончательно уходил ко дну.

Она увидела его, когда гребень волны развернулся, обнажив кости — белые, как осколки раковины мидии. Он лежал так, будто стихия решила забрать трофей мгновенно, не растрачиваясь на уговоры. Конечности раскинуты широко — поза тех, кто еще существует лишь благодаря конвульсивному протесту.

Живой. Чужеродный. И — табу. Следовало отойти. Следовало сыграть слепоту.

Алиса вошла в воду раньше, чем успела заключить сделку с собственным разумом. На мгновение океан заключил ее в объятия — привычно, родственно. Жаберные щели раскрылись рефлекторно. Дышать стало легче — и фантомная боль сухопутья испарилась из пор, будто ее никогда не существовало.

Однако транспортировка человека обратно оказалась совершенно иной биомеханикой.

Она перехватила его под мышками, потянула, и он оказался неподъемным, тяжелым, как валун, внутри которого все еще пульсирует тепло. Мужчина дернулся, не приходя в сознание, и Алиса ощутила, как его гемоглобин течет по фалангам, остужая кожу — хотя толща вокруг была теплой и перенасыщена солью.

Масса тянула их вниз вопреки законам природы.

Инстинкт стаи вопил: брось. Инстинкт самосохранения — отвернись. А тихое упрямство, заменявшее ей молитву, гнало вперед: доберись до твердой земли.

Суша находилась в паре метров, но акватория удлиняла расстояние оптическим обманом. Алиса гребла и понимала: спасти — значит ломать собственный генетический код. Не только свой — кодекс общины, правила мира, привычку не прикасаться.

В какой-то момент пришло понимание: человек тонет не из-за нехватки сил, а потому, что лимит его времени начал стремительно сокращаться.

Она выбросила тело на песок, словно вытравливала опасный трал. Соль обожгла гортань. Песчинки впились в ладони. Человек закашлялся — глухо, беззвучно, будто альвеолы спорили с морской водой.

Алиса склонилась ближе, опасаясь вдоха — людское дыхание источало невыносимую близость. Но именно оно оказалось единственным доказательством: он жив.

Пока он содрогался в спазмах, Алиса сканировала собственное состояние и не могла вычислить переменную. Мир не рухнул. Небеса не сомкнулись. Община не нанесла удара.

И все же на зубах оседал железистый привкус — это ощущалось как нерушимый договор.

Когда кашель утих, сменившись слабыми движениями, Алиса поняла: ужас отпустил не потому, что угроза миновала. Угроза просто сменила агрегатное состояние.

Теперь он сохранит воспоминание.

И теперь ты больше не одинока.

Шторм продолжал реветь на горизонте. Вода откатывалась миллиметрами, словно оценивая скорость завершения

чужого бытия.

Алиса не представляла, сколько секунд свободы ей отпущено. Но знала иное: каждый раз, когда ступня касается человеческой зоны, жабы склеиваются, эпителий шелушится, а пресная влага с материка — это агония, не переводимая на язык слов.

Тем не менее она осталась.

Она стала тем самым девиантным поведением, которое обычно оплачивается чужой смертью.

И от этого, парадоксально, ей не полегчало.

Ей стало... теплее.

Глава 2. Запах мокрого железа

Гроты возле Рыбачьего мыса напоминали чужие слуховые раковины: там можно было укрыться, и внешний мир прекращал трансляцию. Вода за спиной то отступала, то возвращалась, транслируя мелкую сейсмическую дрожь в базальт — и вместе с ней аннигилировались вербальные конструкции, которыми люди обычно конвертируют неизвестное в инвентарь.

Алиса сидела, прижавшись к влажной стене штрека. Нейлоновая штормовка липла к телу, словно сама ткань уже считывала её внутреннюю декомпенсацию. Артефакт, перламутр, запаянный в стекло, всё ещё находился при ней, но она не извлекала его: знала, что если иницирует визуальный контакт, протокол остановки будет невозможен.

Иногда истина начиналась не с ответа, а с фатального любопытства.

И всё же когнитивный интерес не отменял физиологического императива голода.

На суше голод Алисы не был простым дефицитом кало-

рий. Это был системный сбой сигнализации: гидросфера закончилась внутри неё. Жаберные щели требовали привычного титра солёности, эпидермис начал зудеть так, словно под ним некто разминал тонкие птичьи кости. Гортань пересыхала до состояния абразива, будто ей устанавливали песок без связующего раствора.

Она поднялась и провела рекогносцировку обонятельным методом.

Аэроток принёс не только йодистые соединения — он доставил маркеры антропогенной среды: лигниновую сырость, креозот, полимеры старой краски. И еще один маркер, который Алиса идентифицировала почти с облегчением: ферромагнитный сплав, прогретый внешним источником тепла, — так пахнут консервированные субпродукты при нарушении вакуума.

Дом зрителя маячил неподалеку, на террасе, куда кинетическая энергия прибоя не доходила. Строение выглядело покинутым, остекление поглощало свет, но в пустующем периметре всегда сохраняется человеческая привычка резервирования ресурсов на следующий цикл: жестяные контейнеры, хлорид натрия в мешковине, аптечные склянки.

Алиса ступила на настил. Пиломатериал был деформиро-

ван влагой, края досок топорщились, как сломанные резцы. Она перемещалась бесшумно, используя технику распределения веса, но всё равно фиксировала каждый свой акустический след: у твердой земли аудиальный порог грубее, чем у водной толщи.

Входная дверь гостевого дома оказалась деблокированной.

Внутри стояла иная органолептика: не та, что присуща городским жилищам — где смешиваются стерильность, бытовая пыль и биом человека. Здесь пахло хроностазисом и тем, как время энтропийно пожирает порядок. Пахло гигроскопичным деревом, забитыми дренажными щелями и железом, которое никуда не исчезло, просто сменило статус полезности на «мусор».

Алиса вошла внутрь и мгновенно дешифровала ситуацию: она не являлась стандартным посетителем этого периметра. Отпечатки обуви отсутствовали — присутствовали следы газообмена. На подоконнике лежал слой сухой пыли, по которому тянулись микронные борозды, будто кто-то совершал ползком ночные рейды или локальная турбулентность гоняла одну песчинку по замкнутому кругу.

Кто-то посещал это место ранее — или само здание со-

храняло память о событии.

Она прошла в кухонный блок. Там, под ветошью на столешнице, должна была находиться пища. Физиологический дефицит толкал к поиску с такой уверенностью, словно у неё активировался второй процессор, способный вычислять траекторию быстрее сознания.

Ткань расползлась от влажности, из-под неё высыпались старые кассовые чеки и бумажный лист с графитовой пометкой. Алиса не читала текст — ей не требовалась логика синтаксиса, чтобы считать паттерн: субъекты оставляют провизию, когда их алгоритм нацелен на выживание. Это совпадало с её инстинктивной базой данных лучше любой письменной инструкции.

В глубине шкафа стояли жестяные цилиндры.

Несколько, с деградировавшими типографскими надписями, и один, девственно чистый, только крышка, блестящая как влажная мысль. Алиса коснулась металла фалангами. Термальный градиент холода прошел по коже и трансформировался в раздражение: так ощущается не повреждение тканей, а фаза предвкушения захвата ресурса.

Ей требовался не просто нутриент. Ей требовался натрий

— аутентичный, жирный, морской по профилю электролитов. Но на суше соль часто прятали так, словно минерал мог оскорбиться отказом. Алиса могла поддерживать гомеостаз и без него, но тогда наступали те долгие часы клеточной дегидратации, когда тело казалось готовым треснуть изнутри.

Она выбрала инструмент.

Он покоился в ящике с фурнитурой, соседствуя с окисленным ключом и фрагментом пенькового каната. Клинок был старым, но сохранил бритвенную остроту режущей кромки. Это почему-то генерировало сигнал безопасности: в старых зданиях всегда остаются объекты, которые отказываются маскироваться.

Алиса захватила банку обеими кистями и попыталась воспроизвести человеческий моторный паттерн: упереться дистальной фалангой, найти точку приложения силы, приложить крутящий момент. Крышка осталась статичной. Тогда первобытный протокол подсказал альтернативу: металл нужно разрушить механически.

Она установила лезвие на закаточный шов и приложила осевое давление.

Крышка с металлическим хрустом пошла вверх — слыш-

ком легко для такого сопротивления. От этого звука испугался даже не субъект, а сам аэроток внутри помещения: амплитуда сигнала была чрезмерной для пустой коробки пространства. Алиса рефлекторно отвела голову, ожидая, что запах выстрелит вовнутрь и станет триггером угрозы.

Но первым пришел именно аромат.

Запах тушеной говядины оказался... почти релевантным. Теплый, липидный профиль, но в нем скрывалась побочная гармоника: мокрое железо. Такой спектр возникает, когда вода годами бьет о старую якорную цепь — и пока сталь не высохла, она хранит вкус океана и глубинное отвращение к двуногим.

Алиса наклонилась ближе, сделала глубокий инспираторный забор — и металлическая нота ударила сильнее. По эпидерме прошла волна пиломоторного рефлекса, словно организм внезапно решил, что сейчас последует не кормление, а карательная мера.

Инструмент сместился. Это произошло со скоростью микросекунды — так соскальзывают предметы, когда проприоцепция руки еще не верила в собственную кинетику.

Острое лезвие прошло вскользь по пальцу.

Не критично. Ровно настолько, чтобы нарушить целостность.

Гемоглобин сразу пошел тонкой капиллярной линией, смешался с жирным запахом консервы и лег на языковые рецепторы еще до того, как кора головного мозга успела обработать инцидент. Она выронила клинок — не из-за аффекта страха, а потому что болевой импульс потребовал всего внимания процессора.

Боль, впрочем, имела понятную сигнатуру.
Металл — нет.

Алиса прижала поврежденную конечность к губам, повторяя старый протокол обработки мелких травм во избежание масштабирования паники. Но привкус металла, тот самый, будто его залили прямо в ротовую полость, показался ей более плотным, чем физический дискомфорт. Это был не просто биохимический фон крови. Это было уведомление о том, что литосфера всегда находится в опасной близости к сосудистой системе.

Снаружи раздался глухой удар: аэродинамика или деформационная нагрузка доски. В пустом объеме здания звук получал длинную задержку (reverb), и Алиса слышала его так,

словно система произнесла её имя по слогам.

Она быстро протерла палец ветошью и снова взялась за цилиндрическую емкость.

Натрия на слизистых не появилось. Консервированный белок не знал алгоритмов кормления существ, способных фильтровать воду через жабры. Но он мог купировать метаболический кризис — значит, мог купить время.

Алиса с трудом удерживала вес банки, потому что кисти выдавали тремор не от астении, а от конфликта двух переменных: дефицита энергии и глубокого сенсорного отторжения металла.

Она опустила лицо к краю крышки и выполнила первый глоток.

Профиль вкуса был тяжелым, избыточным и чужеродным. Рефлекс требовал эвакуации содержимого — не из-за токсичности, а потому что мышечная память требовала океанического спектра. Но голод победил так же безжалостно, как сизигийный прилив: он не запрашивает согласия субъекта, он просто меняет уровень воды.

Затем — вторая порция. Затем — третья.

Алиса потребляла пищу медленно, словно боялась активации другого физического закона: правила, согласно которому сырое существо начинает обрабатывать данные, а обрабатывающий данные человек становится экзистенциальной угрозой самому себе.

Поглотив почти половину объема, она зафиксировала ослабление висцеральной судороги, дышать стало легче. Жаберные дуги снова могли работать без режима аварийной гипервентиляции. Эпидермис перестал шелушиться в фантомных зонах, где обычно зарождалась боль.

Она выдохнула.

В этот момент аналитика уловила аномалию: пустой дом был слишком акустически мертв. Снаружи шла передача шума ветра, но внутренняя тишина держалась плотной массой, будто её кто-то физически собирал руками в комок.

Алиса перевела оптическую ось вниз и увидела на столешнице, рядом с банкой, тонкий вектор нарушения. Сухая пыль была смещена так, словно поверхность пересек некий объект, который затем убрали, проигнорировав факт записи события пространством.

И, главное, в воздушной массе снова появился тот специфический запах мокрого железа.

Не от жестяного цилиндра.

Источник находился вне поля зрения.

Она перешла в режим абсолютной статики. В грудной клетке кольнуло знакомое ощущение, возникающее перед фронтом шторма, когда природа делает видимость покоя, но внутри структуры уже идет ломка физических констант.

Алиса не хотела покидать укрытие. Но теперь пространство выбора схлопнулось: если источник запаха обладает биологическим теплом, риск обнаружения становился неизбежным.

Она переключилась на пассивный сонар.

Шаговых импульсов не поступало. Акустических колебаний голоса тоже.

Только редкий, осторожный металлический скрип — будто некто тестировал замок или проверял кинематику дверной ручки.

Алиса плавно, практически исключая инерцию, сдвинула банку в сторону и провела ладонями по ткани штормовки,

снимая остатки жира. Клинок визуально не обнаруживался — вероятно, ушел в слепую зону между ящиками.

Она подумала: если вторжение состоится — будет больно. Не только принимающей стороне. Визитеру. Потому что у неё теперь накоплен опыт: когда происходит тактильный контакт человеческой кожи с её пальцами, фактор ужаса умеет ретироваться.

Дверь гостевого дома издала высокочастотный скрип несмазанных петель — минимальной амплитуды.

Алиса начала подъем.

И в ту же наносекунду её пальцы нашли то, чего не искали целенаправленно: нож стоял вертикально на половицах, рукоятью в её сторону. Слово само здание выдало единственную внятную инструкцию: сопротивление возможно всегда, если в распоряжении есть острый угол и решимость применить силу.

Из-за преграды донесся голос.

— Алиса? — произнес человек, и фонема прозвучала так, будто он впервые артикулирует этот набор звуков и заранее боится ошибки произношения.

Она не дала ответного пакета.

Потому что знала: на суше вокализация — это трасса. А трассы всегда ведут к тому, кто способен вести бухгалтерский учет и проводить измерения.

Она сделала шаг назад, уходя в теневую зону кухни, туда, куда фотонный поток из окна не добивал. Животный адрес-налиновый шок еще не инициализировался — внутри доминировало иное состояние: голод нейтрализован, но активировалась высшая нервная деятельность.

То, что было оставлено вчера, нашло тебя сегодня.

Даниил устроился в засидке так, словно собирался оборонять само наблюдение от вторжения мира. Он выбрал точку выше линии кривых северных берез, чтобы ветер снимал показания самостоятельно, не искажая их о стены строений. Под локоть он подложил мешочек с ветошью — для гашения тремора бинокля, и дважды проверил фиксацию штатива. Это было то самое глухое раздражение на самого себя: когда выполняешь протокол идеально, но всё равно понимаешь, что выслеживаешь чужую тень вместо собственных данных.

За мутным стеклом засидки пляж оставался грязным после вчерашнего циклона. На мокром песке блестели росчер-

ки: короткие, рваные траектории птиц и их хаотичные игры в коридорах шторма. Даниил ждал кайр.

Он обязан был ждать кайр. Он прибыл сюда с четким алгоритмом: считать миграционные потоки, фиксировать фенологию, строить графики выживаемости популяции. Но с раннего утра его пальцы рефлекторно ныряли во внутренний карман куртки, где лежало инородное тело — заноза из перламутра и битого стекла.

Перламутр в стекле.

Он пытался убедить себя терминологией. В науке нет слова «невозможно», есть лишь «необъяснимо на текущий момент» и «требуется дополнительных выборов». Просто его личное «завтра» начиналось сегодня не с кипятильника и не с рассветной арабики, а с липкого ощущения, что он упустил субъект, который уже давно провел собственную рекогносцировку местности.

Вчера он зафиксировал плечо — и не просто как анатомическую линию. Оно впечаталось в память чернильным пятном блокнота: вроде бы ничего криминального, а ты уже знаешь, что растворитель сотрет бумагу до дыр раньше, чем исчезнет пигмент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.